

**«Это в какой-то нашей народности...»:
обычаи и обряды крестьян Каширского уезда
по этнографическим описаниям соседей Достоевских**

А. С. Бессонова

*Государственный социально-гуманитарный университет
(г. Коломна, Российская Федерация)*

e-mail: abessonova13@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена влиянию народной среды, в которой оказался будущий писатель во время летних каникул в родительском имении Даровое Каширского уезда Тульской губернии в 1832–1836 гг., на формирование воззрений Ф. М. Достоевского о русском народе. Работа является продолжением предыдущей публикации на данную тему, где в научный оборот был введен хранящийся в Научном архиве Русского географического общества (РГО) этнографический документ, составленный священником П. В. Профферансовым, настоятелем Свято-Духовского храма в селе Моногарове Каширского уезда, прихожанами которого были Достоевские — помещики Дарового. Настоящее исследование ставит своей задачей значительно расширить и уточнить этнографический контекст «деревенского» периода жизни Ф. М. Достоевского, поскольку в материалах П. В. Профферансова содержатся множественные информационные лакуны, восполнить которые позволяют сведения, присланные в РГО в конце 1840-х гг. помещиками Каширского уезда А. Е. Мещерским и А. Б. Фрейрейсом. Их описания интересны не только богатым этнографическим материалом, но и связью информантов РГО с личностью и творчеством Ф. М. Достоевского. А. Е. Мещерский был дворянским заседателем Каширского земского суда в 1830-е гг., во время судебной тяжбы родителей Ф. М. Достоевского с П. П. Хотяинцевым о чересполосном землевладении в Даровом, а в 1839–1840-х гг. принимал участие в слушаниях по делу о смерти М. А. Достоевского, отца писателя. А. Б. Фрейрейс может служить примером «лучших людей», о которых размышлял Ф. М. Достоевский в «Дневнике Писателя». Новые архивные материалы не только позволяют представить народную среду Дарового, какой мог узнать ее в детстве Ф. М. Достоевский, но и подтверждают провидческие представления писателя о народном характере и «скрепляющей идее» нации.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, научная биография, имение Даровое, Каширский уезд Тульской губернии, Русское географическое общество, Государственный архив Тульской области, архив, этнографическое описание, русский народ, А. Е. Мещерский, А. Б. Фрейрейс

Благодарность. Исследование выполнено в Государственном социально-гуманитарном университете (ГСГУ) при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00699 «Новое о Достоевском: реконструкция ранней биографии и творчества в междисциплинарном исследовании», <https://rscf.ru/project/23-28-00699/>).

Для цитирования: Бессонова А. С. «Это в какой-то нашей народности...»: обычаи и обряды крестьян Каширского уезда по этнографическим описаниям соседей Достоевских // *Неизвестный Достоевский*. 2023. Т. 10. № 4. С. 102–127. DOI: 10.15393/j10.art.2023.7081. EDN: UXZKEW

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2023.7081

EDN: UXZKEW

**“It’s in Some of Our Nation...”:
Customs and Rituals of the Kashirsky District Peasants
According to the Ethnographic Descriptions of Dostoevsky’s Neighbors**

Albina S. Bessonova

*State Social and Humanitarian University
(Kolomna, Russian Federation)*

e-mail: abessonova13@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the influence of the folk environment, in which the future writer found himself during the summer holidays in his parents’ Darovoe estate (Kashirsky district, Tula province) in 1832–1836, on the formation of F. M. Dostoevsky’s views about the Russian people. The work is a continuation of the previous publication on this topic, which introduced into scientific circulation an ethnographic document stored in the scientific archive of the Russian Geographical Society (RGS), compiled by the priest P. V. Proferansov, rector of the Holy Spirit Church in the village of Monogorovo, Kashirsky district. The Dostoevsky, landowners of Darovoe, were among the parishioners of this church. The present study aims to significantly expand and clarify the ethnographic context of the “village” period of F. M. Dostoevsky’s life, since the materials of P. V. Proferansov contain multiple information gaps, which can be filled in by the data sent to the RGS in the late 1840s by the landowners of the Kashirsky district A. E. Meshchersky and A. B. Freireis. Their descriptions are interesting not only because they contain rich ethnographic material, but also because of the revealed connection of the RGO informants to the personality and creativity of F. M. Dostoevsky. A. E. Meshchersky was a noble assessor of the Kashirsky Zemsky court in the 1830s, during the litigation of F. M. Dostoevsky’s parents with P. P. Khotyaintsev about cross-strip land ownership in Darovoe, and in 1839–1840 he took part in the hearings on the death of M. A. Dostoevsky, the writer’s father. A. B. Freireis can serve as an example of “the best people,” which F. M. Dostoevsky reflected on in the “A Writer’s Diary.” The new archival materials not only allow us to hypothetically recreate the folk environment of Darovoe, as F. M. Dostoevsky could have known it in childhood, but also confirm the writer’s visionary ideas about the national character and the “binding idea” of the nation.

Keywords: F. M. Dostoevsky, scientific biography, Darovoe estate, Kashirsky district of Tula province, Russian Geographical Society, State Archive of Tula Region, archive, ethnographic description, Russian people, A. E. Meshchersky, A. B. Freireis

Acknowledgments. The reported was carried out at the State Social and Humanitarian University with the financial support of the Russian Science Foundation (project number 23-28-00699, “New About Dostoevsky: Reconstruction of Early Biography and Works by Interdisciplinary Research”. Available at: <https://rscf.ru/project/23-28-00699/>).

For citation: Bessonova A. S. “It’s in Some of Our Nation...”: Customs and Rituals of the Kashirsky District Peasants According to the Ethnographic Descriptions of Dostoevsky’s Neighbors. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2023, vol. 10, no. 4, pp. 102–127. DOI: 10.15393/j10.art.2023.7081. EDN: UXZKEW (In Russ.)

.....

Исследование посвящено влиянию народной среды на личность и творчество Ф. М. Достоевского. Этнографический аспект представляется нам весьма существенным: «Достоевский народный», как определил его В. П. Владимирцев, есть Достоевский подлинный, если мы стремимся постичь суть его произведений — художественных и публицистических: «Народная культура (язык, склад мышления, взгляды, понятия и представления, вера, поэзия, обычай, вкусы, привычки, мистика) была наиболее органичной составляющей мироощущения и мировидения Достоевского <...>. Она входила в сознание и подсознание писателя как единое с его натурой этнически кровное опорное духовное достояние. Незримо изо дня в день питала и возбуждала нравственную и литературную мысль Федора Михайловича <...>. Этот культурный рабочий феномен есть краеугольный камень его творческой жизни» [Владимирцев: 10–11].

Впечатления детства в художественной и нравственно-этической системе Достоевского занимают главенствующее положение, поэтому большое значение имеет, в ряду прочего, та этнографическая среда, в которой вырос будущий писатель. Это, конечно, московские кормилицы и няня, Алена Фроловна, а также прислуга в квартире на Божедомке, это народные гулянья «под Новинским», о чем подробно писал в своих «Воспоминаниях» А. М. Достоевский¹. Полное погружение в народную среду произошло в родительском имении Даровое во время летних «вакаций» в 1832–1836 гг.

Реконструировать народную жизнь в Даровом наряду с семейной перепиской и мемуарами А. М. Достоевского позволяют архивные документы XIX в., в частности материалы, собранные Русским географическим обществом (РГО). Ранее нами были обнаружены «Сведения о простом русском народе Тульской губернии по Каширскому уезду», присланные в РГО священником Свято-Духовского храма села Моногарова П. В. Проферансовым (1849). Документ содержит этнографическое описание крестьян села Моногарова, деревень Даровое, Черемошняя, Комово, Назарьево — прихода Свято-Духовского храма. Архивный источник дает представление о внешнем облике, языке, жилище, обрядах и преданиях народа, а также содержит наблюдения о народном характере, каким узнал его в юные годы будущий писатель [Бессонова, 2023].

Однако реконструкция народной среды деревенского детства Ф. М. Достоевского может быть значительно расширена. Каширский уезд Тульской губернии подробно охарактеризован в материалах, присланных из многих мест самыми разными информантами РГО. Ими были не только приходские священники, но и помещики, постоянно проживающие в своих имениях,

¹ [Достоевский А. М.] Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / ред. и вступ. ст. А. А. Достоевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. С. 38, 43–45. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Достоевский А. М.* и указанием страницы в круглых скобках.

преподаватели духовных училищ. Сам факт столь горячего отклика на призыв РГО собирать сведения о русском народе свидетельствует о возрастающем интересе в образованном обществе середины XIX в. к жизни крестьянства, осознании важности изучения и понимания этого сословия.

Среди множества документов Научного архива РГО по Каширскому уезду наше внимание привлекли материалы, присланные двумя помещиками, — Александром Егоровичем Мещерским и Александром Балтазаровичем Фрейрейсом. Мещерский связан с Достоевскими непосредственно. Фрейрейс — сосед по Каширскому уезду и с Достоевскими знаком не был, однако его личность, с нашей точки зрения, провидчески осмыслена как человеческий тип в романных образах и публицистике Достоевского.

Штабс-капитан А. Е. Мещерский (1800–?)² принадлежал к княжескому роду, внесенному в 5-ю часть Дворянской родословной книги Тульской губернии³. Согласно формулярному списку,

«Въ Службу вступилъ въ Ярославскій пѣхотный полкъ подѣ-прапорщикомъ 12 февраля 1817 г.⁴ <...> произведенъ онъ Штабсъ Капитаномъ 1823 Маія 8. Послѣ сего по домашнимъ обстоятельствамъ отъ службы уволенъ 1824 Апрѣля 25. Во время прекращенія болѣзни холеры⁵, находился попечителемъ квартала въ Каширскомъ уѣздѣ всего 6 мѣсяцовъ съ половиною. Избранъ былъ въ Каширскій 3<емскій> Судъ дворянскимъ Засѣдателемъ 1833 Марта 20, каковую должность и продолжалъ по 14 февраля 1835. На настоящее трехлѣтіе поступилъ въ оный Судъ 1838 февраля 14»⁶.

С дворянским заседателем Мещерским были знакомы родители писателя М. А. и М. Ф. Достоевские в связи с тяжбой о чересполосном землевладении в Даровом с П. П. Хотяинцевым, владельцем имения в селе Моногарове⁷. Мимо сельца Ожерельева, где постоянно проживал Мещерский, неоднократно проезжала Мария Федоровна по пути в Каширу и обратно.

² Год рождения установлен по копии метрического свидетельства: Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 39. Оп. 2. Д. 1463. Дело о внесении в родословную книгу дворян Тульской губернии князей Мещерских. Л. 70.

³ Дворянское сословие Тульской губернии / сост. М. Т. Яблочков. Тула: Тип. Губ. правления, 1899. Т. 1. [Ч. 1]. С. 103 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/18576-t-1-ch-1-pamyatnaya-knizhka-tulskoy-gubernii-za-1898-g-1899#mode/inspect/page/107/zoom/4> (18.08.2023).

⁴ ГАТО. Ф. 51. Оп. 17. Д. 1338. Дело по предложению Тульского гражданского губернатора об определении штабс-капитана Мещерского в Каширский земский суд. Л. 5 об. — 6.

⁵ С 18 ноября 1830 г. по 21 января и с 21 июля по 3 ноября 1831 г. — ГАТО. Ф. 51. Оп. 17. Д. 1338. Л. 8.

⁶ ГАТО. Ф. 51. Оп. 21. Т. 1. Д. 142. Дело по рапорту Каширского уездного суда о награждении дворянского заседателя штабс-капитана князя Мещерского годовым окладом жалования вместо чина. Л. 4–4 об.

⁷ См. об этом: (Достоевский А. М.: 53–54), [Нечаева: 41–42, 73–75, 78, 82, 107, 108, 127], [Даровое Достоевского: 55, 274–284].

Подпись А. Е. Мещерского стоит в документах следствия по делу о смерти отца писателя [Даровое Достоевского: 368–382].

Этнографическое описание крестьян сельца Ожерельева Каширского уезда, составленное А. Е. Мещерским в 1848 г., отличается обилием подробностей, что свидетельствует о ежедневной погруженности помещика в дела и заботы имения и хорошем знании материала. Особо обращает на себя внимание детальная фиксация свадебного обряда, включающая не только описание последовательности событий, но и фольклорные тексты, сопровождавшие обряд, в записи которых сохранены особенности местного говора. Так жениха и невесту после венца встречают песней:

*«Не наступайте бояре
Не ломите новыхъ стней;
Ужо взойдетъ свѣтль мѣсяць,
Ужо взойдетъ бѣла заря
Ужо взойдетъ красно сонцо.
Свѣтль то мѣсяць (имя новобрачнаго)
Бѣла то заря его свашенька,
Красно сонцо, молода жена (имя ее)»⁸.*

Зафиксированы названия участников обряда, поезжан: *дружка, полудружье, боярин, тысяцкий и сваха*; именованя жениха и невесты: *князь и княгиня*. Наблюдаются устойчивые черты свадебной церемонии, перекликающиеся с описанием П. В. Проферансова (*Мещерский*: л. 2), что говорит о локальной традиции в Каширском уезде. Однако в основе своей структура и содержание свадебного обряда в крестьянской среде во многом носят общерусский характер, поэтому свадебные «чины» и их роли, циклы свадебных песен, предписанное поведение всех участников действия присутствуют в этнографических материалах из разных российских губерний [Громыко: 372–379].

Много общего встречаем и в описании быта крестьян Каширского уезда: в устройстве жилища, пище⁹, одежде. Так, в женском костюме сельца Ожерельева используется платок, а не сорóка — распространенный женский головной убор в южных губерниях (Тульской и Рязанской, на границе которых находилось Даровое), глухая темно-синяя клетчатая (шахматная) понёва.

⁸ Научный архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 4. Мещерский А. Е. Этнографические сведения о Каширском уезде Тульской губернии. Л. 5. Далее ссылки на этот источник приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Мещерский* и указанием номера листа в круглых скобках.

⁹ Как, например, дымные (курные) избы с аскетическим убранством или овсяный кисель, который в Даровом, по воспоминаниям старожилов, бытовал вплоть до середины XX в.

Понёва (панева) неожиданно возникает в романе «Братья Карамазовы», усиливая автобиографический «даровской» контекст последнего произведения Ф. М. Достоевского. В сцене суда Иван Карамазов говорит председателю:

«Я, ваше превосходительство, как та крестьянская девка... знаете, как это: "Захоцу — вскоцу, захоцу — не вскоцу". За ней ходят с сарафаном али с паневой, что ли, чтоб она вскочила, чтобы завязать и венчать везти, а она говорит: "Захоцу — вскоцу, захоцу — не вскоцу"... Это в какой-то нашей народности...»¹⁰.

Комментаторы 30-томного Полного собрания сочинений лишь отмечают аналогичные мотивы в русских свадебных песнях, ссылаясь на издание И. П. Сахарова «Песни русского народа» 1839 г.¹¹ (Д30; т. 15: 598). Недостаточной нам представляется и скупая отсылка к «Пословицам русского народа» В. И. Даля в комментариях к 15-томному собранию сочинений¹². Учитывая, что образ Ивана Карамазова напрямую связан с воспоминаниями деревенского детства Достоевского (Чермашня — родительская деревня Черемошняя, лес в пустошах Бегичеве и Дячкине — лес в окрестностях Дарового, см.: [Бессонова, 2019: 200]), то сравнение с крестьянской девкой оказывается неслучайным. Знаковым здесь является и характерное «цоканье», локально встречающееся в Рязанской¹³ и, как мы увидим далее, в Тульской губерниях, и диалектный вариант союза 'или' — 'али', и само описание обряда, подробности которого встречаем в этнографических материалах о Тульской губернии:

«Вообще обычаи здѣшнихъ крестьянъ отличаются своею странностію. На пр<имѣръ> здѣшнія дѣвки ходятъ до 15 и до 16 лѣтъ въ однихъ только рубахахъ, опоясанныхъ краснымъ шерстянымъ поясомъ; а по прошествіи сего срока на дѣвку надѣваютъ поневу <...>. Обрядъ же надѣванія поневы совершается въ день именинъ въ присутствіи всей родни. Въ это время именинница становится обыкновенно на лавку и начинаетъ ходить по ней. Мать ея, держа въ рукахъ открытую поневу, слѣдуетъ за нею подлѣ лавки и приговариваетъ: "вскоци дитятко, вскоци милое"; а дочь каждый разъ на таковое привѣтствіе сурово отвѣчаетъ: "хоцу вскоцу, хоцу невскоцу".

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1983. Т. 15. С. 116. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д30 и указанием тома и страницы в круглых скобках.

¹¹ Сахаров И. П. Песни русского народа: [в 5 ч.]. СПб.: Тип. Сахарова, 1839. Ч. 3: Русские свадебные песни. 528 с.

¹² Ср. фольклорные записи В. И. Даля: «Хочу — вскоцу, не хочу — не вскоцу (в старину невеста говорила: хочу — вскоцу и, соглашаясь идти замуж, прыгала через положенный кругом пояс или в наставленную юбку)» (Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 332; впервые вышли в свет в 1861–1862 гг.). См.: Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. С. 374 [Электронный ресурс]. URL: https://rvb.ru/dostoevski/02comm/35_2.htm (18.08.2023).

¹³ См.: [Сидоров: 131–134], [Аванесов: 226–231]. См. также сноску 14.

Но какъ вскочить въ поневу, значитъ объявить себя невѣстою и дать право женихамъ за себя свататься; то никакая дѣвушка <не> заставляетъ долго за собою ухаживать, и никакая не дѣлаетъ промаху въ прыжки, влекущаго за собою отсрочку въ сватовствѣ до слѣдующаго года»¹⁴.

Таким образом, посредством целого ряда «местных», зачастую имплицитных подробностей вокруг Ивана Карамазова и — шире — во всем романе формируется семантическое поле, работающее на одну из ключевых идей не только «Братьев Карамазовых», но и всего «великого пятикнижия» и неразрывно связанного с ним «Дневника Писателя», — это «драгоценные воспоминания детства».

Отдельные наблюдения А. Е. Мещерского могут служить дополнением к тексту моногаровского священника, который, к сожалению, обращает мало внимания на диалектные особенности народной речи. А. Е. Мещерский отмечает, что с октября по апрель крестьяне имеют обыкновение отправляться на заработки в город, что накладывает отпечаток на их речь: «*въ разговорахъ объясняются довольно складно*» (Мещерский: л. 2). В отличие от П. В. Проферансова, А. Е. Мещерский выделяет яркие фонетические, морфологические, лексические диалектизмы, например: *бягу, свякровь* (с характерным южнорусским яканьем), *вошпиталь (воспитательный дом), шпитомец (воспитанник), некрут* (замена начального согласного в слове рекрут)¹⁵,

¹⁴ Глаголев А. Тула. Из памятных записок 1823 и 1826 года // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. 15. 1835. № 1 [Год 7]. С. 68–69 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB12053777?page=112&rotate=0&theme=white (18.08.2023). Среди этнографических материалов Научного архива РГО есть документ, предположительно составленный председателем Отделения этнографии Н. И. Надеждиным, «О старинном крестьянском обряде надевания понявы», где, процитировав записки А. Глаголева, автор замечает: «*Мы неруцаемся, существуетъ ли теперь въ Богородицкомъ уѣздѣ обычай праздновать такимъ образомъ совершеннолѣтіе дѣвушки; но за двадцать лѣтъ и болѣе онъ существовалъ не только въ Богородицкомъ, но и въ другихъ ближайшихъ къ нему уѣздахъ; на пр<имѣръ> въ прежде бывшемъ городѣ, нынѣ слободѣ Гремячевѣ, Веневскаго уѣзда, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Зарайскаго, Рязанской губерніи (оба граничатъ с мѣстностью въ Каширскомъ уѣздѣ, где находится Даровое Достоевскихъ. — А. Б.). <...> Мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе, что обычай, описанный въ приведенномъ нами отрывкѣ, не есть общій, а частный. Русская пословица: Что ни городъ, то норовъ, что ни деревня, то обычай, ни къ какому другому краю не можетъ лучше быть примѣнена, какъ къ восточнымъ и южнымъ уѣздамъ Тульской губерніи <...>. Тамъ не рѣдкость встрѣтити нѣсколько смѣжныхъ сель, которыя различествуютъ между собою не только обычаями, но и языкомъ. На пр<имѣръ> въ одномъ селеніи звукъ ц выговариваютъ, какъ ц, въ другомъ на оборотъ <...>. Въ настоящее время образованность быстро вытѣсняетъ всѣ народныя старинныя обряды <...> и тѣмъ съ болѣею признательностію должны мы принимать всякое любопытное свѣдѣніе о старинѣ, сообщаемое людьми образованными, знающими мѣстность» (Научный архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 2 об. — 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/1378064> (18.08.2023)).*

¹⁵ В другом месте А. Е. Мещерский замечает: «*При рекрутскихъ наборахъ когда повезутъ назначеннаго къ отдачѣ, то его провожаютъ также какъ умершаго*» (Мещерский: л. 6), что нашло отражение в пословице, приведенной В. И. Далем в качестве иллюстрации к слову некрут: «*Въ некрутчину, что въ могилу*». См.: Даль В. И. Толковый словарь живого

гамазея (метатеза при усвоении заимствованного 'магазин'; оба слова — 'некрут' и 'гамазея' — зафиксированы в словаре В. И. Даля без областных помет), *идіо, видё, жрію* (усеченный аффикс личной формы глаголов 'идет', 'ведет', 'жрет'; данное фонетическое явление зафиксировал и П. В. Профрансов); *кулига* (небольшая часть лугу, льса), *магарычъ* (значить пить вино послѣ покупки, продажи или мѣны), образцы бытовых метафор *мѣсяцъ (сонце) погибаетъ*¹⁶ в значении затмения. Последний пример перекликается с этнографическими записями старшего брата писателя, одного из опекунов имения после смерти родителей, М. М. Достоевского, сделанными во время его пребывания в Даровом в начале 1850-х гг.: *овсы хороши живали* (овес хороший рос), *певчие процвели* (преуспели)¹⁷. Характерные местные выражения сопровождают также повествование о свадебном обряде: *запить невесту*, *пирог курник*, *кормная телега*, *вечеровые* (родные невесты).

Что дают нам эти лингвистические наблюдения для понимания Достоевского? В «Дневнике Писателя» за 1873 г. в главке «По поводу новой драмы», разбирая пьесу Кишенского «Пить до дна — не видать добра», Достоевский пишет:

«Нашего автора упрекали <...> за слишком уж *натуральный* мужицкий язык, утверждая, что он мог бы быть более литературным. Этой *натуральностию* языка и мы недовольны; всё должно быть художественно. Но, прочтя внимательно, прочтя другой раз драму, вы невольно согласитесь, что невозможно было изменить язык, в иных ее местах по крайней мере, не ослабив ее характерности. Это "пыжалте, мамынька-с" не могло быть изменено: вышло бы не так подло. И заметьте, что эту гадкую, глупую пьющую старуху, свою "мамыньку" сынок уважает столько же, сколько свою подошву» (ДЗ0; т. 21: 99).

Здесь видна стратегия Достоевского относительно языка художественного произведения. Под «натуральностью» языка он имеет в виду в данном случае фонетический диалектизм в сочетании с лакейским словоерсом как яркое средство психологической характеристики персонажа пьесы. Если говорить о присутствии диалектных слов в произведениях самого Достоевского, то, следуя требованию художественности, он в некоторых случаях позволяет героям говорить на местном наречии, как, например, крестьянину Душкину или мещанину в «Преступлении и Наказании» — изображений художественной правды. Красильщик — Миколка (не Николка), как

великорусского языка: в 4 т. / под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртене. Репринт. изд-е. М.: Терра — Книжный клуб, 1998. Т. 2. Стлб. 1355. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Даль* и указанием тома и номера столбца в круглых скобках.

¹⁶ См. у В. И. Даля: «Коли могорычи выпиты, и дѣло покончено» (*Даль*; т. 2: 747).

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 93. III. 8. 6. Достоевский Михаил Михайлович. [Записная тетрадь]. Материалы для художественных произведений, расчеты по табачной фабрике и др. заметы. 1849–[1850-е гг.]. Л. 9; опубли.: [Бессонова, 2019: 199].

говорили в Зарайском уезде¹⁸, а Раскольников, который тоже «из этих мест», — убивец, а не иначе, литературно — убийца. Устами мещанина приговор Раскольникову вынес народ, а потому невозможно было изменить язык, по мнению Достоевского, не изменив характерности текста. К народным словам прибегает писатель и тогда, когда говорит от первого лица. В «Дневнике Писателя» 1876 г. сквозной темой становится

«русский человек, которого надо образить* и очеловечить (*Образить — слово народное, дать образ, восстановить в человеке образ человеческий. Долго пьянствующему говорят, укоряя: "Ты хошь бы образил себя". Слышал от каторжных.)» (ДЗ0; т. 22: 26); «народ наш <...> нужно самого обучить сперва грамоте, образить его, развить его, настроить школ...» (ДЗ0; т. 23: 157).

«Словарь русских народных говоров» фиксирует широкое распространение данного слова в южнорусских губерниях, в том числе и в ближайшей к Даровому Рязанской губернии¹⁹.

По мнению В. П. Владимирцева, «Достоевский питал особую приязнь к живым разговорным "словечкам" (лексемам, словоформам, идиоматике). <...> писателя занимали в "словечках" всего более мгновения из внутренней жизни православного великорусского человека и этноса в целом. Живые, "горячие", коннотативные значения "словечек" позволяли Достоевскому своевременно и пронизательно судить о нравственных и психологических процессах, происходивших в России» [Владимирцев: 348]. С нашей точки зрения, интерес писателя к емкому и точному народному слову начал формироваться еще в детстве, и особенно в деревне.

Этнографические материалы А. Е. Мещерского содержат ценные наблюдения над традициями народного права:

«Въ имѣніяхъ <...> владѣльчискіихъ, гдѣ не живутъ сами помещики собираются мирскіе сходки, по призыву сельскаго начальника (старосты) для разкладки и урвенія между жителями требуемыхъ съ нихъ подушныхъ денегъ и разныхъ земскихъ сборовъ <...> для избранія самихъ вотчинныхъ старостъ <...>, всякой обыватель находящійся на мирской сходкѣ имѣетъ свой полный голосъ, а всѣ уравненія или разкладки рѣшаются или большинствомъ голосовъ или очередью. Если же мирская сходка собирается для разобранія какого либо проступка, изъ числа живущихъ въ селеніи; то обвиняемаго вызываютъ въ передъ, и онъ долженъ предъ всѣми оправдываться, иногда признается мирскою сходкою правымъ; то обвинявшій его наказывается за ложной доносъ по усмотрѣнію

¹⁸ В переписных документах Зарайска 1715 г. встречаются имена Микифор, Микита. См.: Зарайск. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М.: Типолит. И. Н. Кушнерева и К^о, 1888. С. 51–53 [Электронный ресурс]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003614297?page=1&rotate=0&theme=white> (18.08.2023).

¹⁹ Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1987. Вып. 22: Обвивень — одалбливать. С. 191 [Электронный ресурс]. URL: <https://iling.spb.ru/publications/1348> (18.08.2023).

мирской сходки при оной телесно розгами; или другимъ какимъ оштрафованіемъ <...> замѣченныхъ обществомъ неоднократно въ дурныхъ поступкахъ <...>; для примѣру прочимъ, молодыхъ лѣтъ и годныхъ отдають безъ очереди въ солдаты, а у протчихъ отнимають въ предѣ до исправленія право присутствовать на мирскихъ сходкахъ и подавать свое мнѣніе, и послѣднихъ называютъ отъявленными» (Мещерский: л. 8–8 об.)²⁰.

А. Е. Мещерский описывает здесь так называемое обычное право [Безгин: 13], распространенное в крестьянской среде. Эти подробности интересны нам как характеристика народного Дарового, которое, будучи владельческим имением, где помещики с 1831 по 1837 г. не проживали постоянно, «самоуправлялось» миром во главе со старостой Савином Макаровым (Достоевский А. М.: 60). Мирские сходки, подобные тем, что описывает Мещерский, видел в детстве и Достоевский, что отозвалось впоследствии в «Дневнике Писателя» за 1873 г., где он обобщает: крестьянская Россия «лишь миром и его приговором вся держится и стоит» (ДЗ0; т. 21: 101), а позднее, в главке 1876 г. «Земля и дети», решение земельного вопроса видит в крестьянской общине:

«А что есть община? Да тяжелее крепостного права иной раз! Про общинное землевладение всяк толковал, всем известно, сколько в нем помехи экономическому хотя бы только развитию; но в то же время не лежит ли в нем зерно чего-то нового, лучшего, будущего, идеального, что всех ожидает, что неизвестно как произойдет, но что у нас лишь одних есть в зародыше и что у нас у одних может сбыться, потому что явится не войною и не бунтом, а опять-таки великим и всеобщим соглашением, а соглашением потому, что за него и теперь даны великие жертвы» (ДЗ0; т. 23: 99).

Еще один интересный аспект жизни деревни в Каширском уезде Тульской губернии — организация медицинской помощи. А. Е. Мещерский пишет:

«Въ обыкновенныхъ бользняхъ крестьяне прибѣгаютъ къ помощи своего владѣльца, или сосѣдняго, и данныя самыя простыя лѣкарственныя пособія <...> оказываютъ желаемое дѣйствіе; вывихи суставовъ вправляютъ также большую частію безъ пособія мѣдика» (Мещерский: л. 6 об. — 7).

И далее помещик подробно описывает изобретенный им способ лечения свирепствовавшей в уезде летом 1848 г. холеры, благодаря которому из 41 заболевшего в сельце Ожерельеве скончалось только 3 человека. Лечиться к Мещерскому приходили из окрестных деревень, он смог вылечить двух своих дочерей и их гувернантку. Завершает Мещерский «медицинскую» часть своих наблюдений «верноподданническим» пожеланием:

²⁰ В. И. Даль помечает понятие 'отъявленный мужик' в значении «лишонный, за дурное поведеніе, голоса на сходкѣ» как тульское (Даль; т. 2: 1998).

«Желаніе мое быть полезнымъ <...> чѣмъ либо драгоцѣнному моему Отечеству возродило во мнѣ смѣлость подвергнуть сіе къ стопамъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, ВСЕАВГУСТЪЙШАГО ПОКРОВИТЕЛЯ Рускаго Географическаго Общества на милостивое возрѣніе, и если удостоится онаго и не будетъ отвергнуть сей способъ лѣченія Медициною, то желаніе мое достигнетъ самой высшей стѣпени благополучія» (Мещерский: л. 7 об.).

Михаил Андреевич Достоевский, будучи врачом по образованию, лечил от болезней крестьян Дарового и Черемошни, о чем свидетельствует его переписка с женой, Марией Федоровной, где он либо дает ей наставления относительно способов лечения крепостных, либо делится предпринятыми им мерами по оздоровлению няни Алены Фроловны [Нечаева: 79–80]. Несомненно, что по выходе в отставку отец писателя продолжил свою врачебную практику и в Даровом.

Говоря о народном характере и нравственности, А. Е. Мещерский выделяет такие качества, как понятливость и сметливость и при этом отсутствие расчетливости:

«...они мало обдумываютъ на будущіе время; довольствуясь настоящимъ. <...> пьянство, лѣность и воровство болѣе имѣютъ мѣста въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ въ управленіи нѣтъ порядка; и довольной строгости къ искорененію сего зла <...>. Добрые же качества ихъ далеко превышаютъ пороки: совершенная привѣрженность къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и всей АВГУСТЪЙШЕЙ ФАМИЛИИ; къ Отечеству, родинѣ, слѣпое повиновеніе къ исполненію приказаній всякой высшей власти; набожность, строгое соблюденіе нѣ токмо постовъ, но и всѣхъ постныхъ дней <...>. Охотно даютъ покровъ пострадавшимъ отъ пожара или иныхъ несчастныхъ случаяхъ, впредь до выстройки имъ своего жилища безъ всякой платы; неимущимъ и увѣчнымъ подаютъ по возможности пропитаніе. Занятые деньги одинъ у другаго и разныя вещи <...> безъ всякихъ актовъ и записокъ, кои у нихъ совсѣмъ не въ употребленіи; на одно только честное слово; отдають всегда исправно...» (Мещерский: л. 9–9 об.).

Можно предположить, что вера Достоевского в лучшие народные качества, высказанная в полной мере на страницах «Дневника Писателя», зародилась еще в детстве и находит свое обоснование в свидетельствах тех, кто с этим народом живет всю свою жизнь бок о бок, — священника Профферансова и помещика Мещерского²¹ (напомним, что каникулы будущего

²¹ Корреспонденты из Каширского уезда в своих оценках народа не одиноки. В этом смысле интересны обобщения священника из Зарайского уезда, на границе с которым находилось имение Достоевских: «Простой народъ земли Руской, какъ въ характеръ, такъ и во многихъ отношеніяхъ имѣетъ отпечатокъ единства, а это единство рускаго духа неизгладилось въ народъ въ продолженіи многихъ лѣтъ никакимъ постороннимъ вліяніемъ, отчего вся земля Русская, какъ одна великая семья» (Научный архив РГО. Р. 33. Оп. 1. Ед. хр. 11. Селезнев Ф. Этнографические сведения о жителях Зарайского уезда Рязанской

писателя в Даровом и время создания этнографических записок разделяет всего 10 лет).

Об укорененности в древних, дохристианских временах говорит обычай опахивания села при эпидемиях и падеже скота. Его упоминают многие корреспонденты РГО из Каширского уезда, причем можно наблюдать ряд устойчивых элементов данного обряда в разных деревнях: действие совершается ночью, его участницы — женщины (вдовы или девушки), которые впрягаются в соху и проводят ею борозду округ селения. Эта архаичная часть обряда сопровождается несением икон и пением молитв, например «Святый Боже». А. Е. Мещерский, как и П. В. Проферансов, отмечает: по завершении обряда

«разходятся всть по своимъ домамъ, въ полномъ увѣреніи что какая бы не была зараза но не смѣетъ перейти прорѣзанную ими борозду; но сіе пустое ихъ заблужденіе, запрѣщеніяи владѣльцевъ и совѣтами приходскихъ Священниковъ во многихъ селеніяхъ оставляется» (Мещерский: л. 6 об.).

Учитывая, что поварные болезни и падеж скота — явление нередкое в русской деревне XIX в.²², можно предположить, что, проводя летние каникулы в Даровом, юный Достоевский мог быть свидетелем подобных обрядов, тем более что «Воспоминания А. М. Достоевского» содержат описания традиционных молебнов и крестных ходов, близких по своему содержанию обряду опахивания селения. Так, был «заказан» пруд, устроенный в усадьбе по распоряжению М. Ф. Достоевской. Водоем был обойден кругом крестным ходом с определенной целью: «Чтобы не было преждевременной ловли и истребления вновь насаженных карасей в пруду...» (Достоевский А. М.: 55).

губернии. Л. 11. Рукопись датирована 1867 г. Позднее текст с купюрами, авторскими и цензурными, был опубликован в Рязанских губернских ведомостях (1871, № 67–69) и выпущен в том же году отдельной брошюрой: Этнографическія свѣденія о Рязанской губерніи. Народные юридическіе обычаи, существующіе въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, собранные дѣйствительнымъ членомъ статистическаго комитета, священникомъ Селезневымъ. Изданіе Рязанскаго статистическаго комитета. Рязань: Въ Губернской Типографіи, 1871). Заметим, что личность Ф. В. Селезнева весьма примечательна. Он связан родственными узами с Н. П. Гиляровым-Платоновым, который оставил о кончаковском батюшке, а позднее благочинном, такую характеристику: «тот идеальный пастырь, каких разве только десятки наберутся в России. Никогда праздного слова, весь в труде, образцово воздержный, строгий к себе, он переродил прихожан» [Гиляров-Платонов: 311].

²² Священник соборной церкви г. Каширы Павел Глаголев пишет: «Въ надежь рогатаго скота, который здѣсь отъ частаго ли прогона въ Москву Черкаскаго скота, или отъ другихъ причинъ, почти каждагодно большіе съ Юля мѣсяца открывається, не имѣяъ врачебныхъ пособій и не зная ихъ, прибѣгаютъ къ различнымъ средствамъ» (Научный архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 19. Краткое этнографическое сведение касательно жителей Тульской губернии города Каширы с его уездом, собранное наставлению, данному от Русско-го географического общества. Л. 2).

Обход кругом, проведение защитной черты — реальной или метафизической — достаточно распространенный народный ритуал. По заключению современного исследователя, «экстремальные ситуации всегда обнажают наиболее важные ценности и наиболее общие жизненные ориентации. Изучение арсенала средств, которыми располагала традиционная культура для противостояния таким часто случавшимся бедствиям, как засуха, падеж скота, эпидемические болезни, пожары, высвечивает основы социально-мировоззренческой солидарности. <...> система народных мировоззренческих представлений имела, по существу, двухслойный характер. Не будучи "двоeverными", русские, как и другие христианские народы, в своей ритуальной практике не утратили различных символических способов взаимодействия с природными силами» [Островский: 109].

Обратимся к материалам, присланным в РГО помещиком села Красина-Телешова Каширского уезда Александром Балтазаровичем Фрейрейсом (1819–1855)²³. Как известно из «Дела о внесении в родословную книгу дворян Тульской губернии полковника Фрейрейса» из фондов ГАТО, отец Александра Фрейрейса Балтазар Александрович, лютеранин по вероисповеданию,

«изъ иностранцевъ присягнувшихъ на вѣрность подданства Россіи <...> въ службу поступилъ изъ воспитанниковъ С. Петербургскаго Практическаго Лѣснаго Института съ званіемъ ученаго фористмейстера, въ Екатеринославскую Губернію 1814 Октября 15»²⁴.

Здесь прослужил он десять лет, после чего был переведен в Воронежскую губернию на должность губернского лесничего, где в 1839 г. дослужился до чина подполковника Корпуса лесничих и поста директора лесничества. Среди многих наград Фрейрейса за честную и беспорочную службу стоит выделить одну:

«за представленное разсужденіе въ разрѣшеніе задачи предложенной ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнымъ обществомъ для поощренія Лѣснаго Хозяйства, объ укрѣпленіи сыпучихъ наносныхъ песковъ и за разведеніе имъ на таковыхъ болѣе 700 десятинъ благонадежнаго лѣса, признанъ отъ сего общества, 1834 февраля 25, достойнымъ золотой медали»²⁵.

Вспоминаются в этой связи переживания Ф. М. Достоевского о том, что «безлесят Россию», и его горячее желание получить свою долю куманинского

²³ Научный архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 6. Фрейрейс А. Характеристические очерки жителей Каширского уезда. 9 л. Далее ссылки на этот источник приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Фрейрейс* и указанием номера листа в круглых скобках.

²⁴ ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 2421. Дело о внесении в родословную книгу дворян Тульской губернии полковника Фрейрейса. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 2 об.

наследства в Рязанской губернии лесом, чтобы растить его к совершенно-летию детей²⁶ [Достоевская А. Г.: 281]. О лесах хлопчут и герои произведений, даже комический Фома Фомич дает наставление Ихменеву:

«Вы хотели, — я знаю это, рубить зырянский участок лесу; — не рубите <...>. Сохраните леса: ибо леса сохраняют влажность на поверхности земли...» (ДЗО; т. 3: 138).

В отставку Б. А. Фрейрейс вышел в 1842 г. в звании полковника, приобрел имение в Каширском уезде, а в 1848 г. подал прошение о внесении его с семейством в Дворянскую родословную книгу Тульской губернии, что произошло в 1849 г.²⁷

Именно к этому времени относятся записки его сына, Александра Балтазаровича, родившегося в 1819 г., а в 1848 г., согласно архивным документам, числящегося писцом Тульской казенной палаты по отделению казначейства в чине коллежского регистратора²⁸.

К задаче, поставленной РГО, Александр Фрейрейс подошел творчески. Сам он определяет жанр своих заметок как «характеристические очерки», но, скорее, это эссе горячего сторонника русского крестьянства. Так, Фрейрейс выделяет в народе

«дѣятельность, терпѣніе въ трудахъ и крѣпкое здоровье, готовое бороться со всякими перемѣнами суровой атмосферы. Опытъ убѣдилъ ихъ, что каждый ломоть хлѣба для будничной трапезы, каждый кусокъ мяса къ праздничному столу ихъ, должны быть добыты по́томъ, и не упадутъ на столъ безъ труда неутомимаго. Очевидно, что подобное существованіе не можетъ быть блестящимъ и что оно немногимъ — чѣмъ роскошнѣе нищеты... <...> И не взирая на это, не смотря на то, что эти люди изъ-году въ годъ бьются выработывая свои господскія и казенныя повинности, да живутъ въ тѣсныхъ, душныхъ, сырыхъ и дымныхъ жилищахъ; не смотря на всё это, говорю я, они и поютъ и пляшутъ по праздникамъ — они готовы веселиться при каждомъ удобномъ случает! Въ ихъ словарь нѣтъ слова "Скѹка"; они не зѣваютъ, отъ бездѣлья какъ многіе изъ насъ, эманципированныхъ существъ, нерѣдко въ одинъ день убивающихъ всѣ грядущіе доходы съ имѣній своихъ, и привсѣмъ томъ жалующихся на "тоску сердечную"...» (Фрейрейс: л. 1–1 об.).

Пафос, отличающий слог Фрейрейса, продиктован стремлением не просто констатировать факт, а осмыслить его, дать свою оценку, будь то быт,

²⁶ Достоевская А. Г. Записная книжка 1881 года // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 281 [Электронный ресурс]. URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/fa/88/fa889b0e-a2eb-49ca-bb3b-3991383c2020/dostoevsky_vospominania.pdf (18.08.2023).

²⁷ ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 2421. Л. 23.

²⁸ Там же. Л. 7.

внутрисемейные отношения, обряды, религиозные представления народа. Так, многие корреспонденты РГО из Каширского уезда отмечают отходничество крестьян, особенно в осенне-зимний период. Ведомости Свято-Духовского храма села Моногарова косвенно подтверждают наличие этого явления в Даровом: против отметки о том, что крестьянин не был на исповеди в Великий Пост, у некоторых из них указана причина — «за отлучкою», нередко по два-три года сряду²⁹. Фрейрейс видит в отходничестве не только источник правильной речи крестьян Каширского уезда — он подмечает и пагубное влияние города на народную нравственность:

«Въ Москвѣ усвѣиваетъ онъ себѣ эту страсть къ расточительности, эту привычку мотать трудовымъ заработкомъ, это неуваженіе къ святынямъ брачныхъ узъ: онъ — бѣльшею частію — эпикурецъ...»

Нынѣ сомнѣнія, конечно, что лучи истинной цивилизаціи, проникнувъ и въ дѣльное жилище крестьянина, — рано, или поздно, — наведутъ его на лучшую дорогу и покажутъ ему, что не этимъ путѣмъ достигается нравственное усовершенствованіе. Нынѣ же, по старой привычкѣ только, да изъ страху наказанія повинуюсь еще волю помѣщика своего, — онъ заносчивъ и неуступчивъ уже съ людьми, поставленными внѣ матеріальнаго вліянія на судьбу его; "а я вама не фрякаю" скажетъ онъ каждому, кто захотѣлъ бы упрекнуть его въ непочтительности или дерзости» (Фрейрейс: л. 3–3 об.)³⁰.

Спустя тридцать лет в «Дневнике Писателя» за 1876 г. Ф. М. Достоевский словно отвечает на опасения А. Б. Фрейрейса:

«Предсказывают, например, что цивилизация испортит народ: это будто бы такой ход дела, при котором, рядом с спасением и светом, вторгается столько ложного и фальшивого, столько тревоги и сквернейших привычек, что разве лишь в поколениях впереди, опять-таки, пожалуй, через двести лет, возрастут добрые семена, а детей наших и нас, может быть, ожидает что-нибудь ужасное. Так ли это по-вашему, господа? Назначено ли нашему народу непременно пройти еще новый фазис разврата и лжи, как прошли и мы его с прививкой цивилизации? <...> Я бы желал услышать на этот счет что-нибудь утешительнее. Я очень склонен уверовать, что наш народ такая огромность,

²⁹ ОР РГБ. Ф. 365. К. 3. Ед. хр. 22. Л. 6 об.

³⁰ Фрейрейс в конце своих очерков дает небольшой словарь местных слов, поясняя глагол «фрякать» — нуждаться. В. И. Даль, указывая на тульско-каширский ареал глагола «фрякать», приводит в качестве примера его употребления выражение «Я вами не фрякаю» с литературной формой местоимения «вы». Тем ценнее в тексте Фрейрейса диалектный вариант творительного падежа «вама», сохранивший архаичную падежную форму двойственного числа.

что в ней уничтожатся, сами собой, все новые мутные потоки, если только они откуда-нибудь выскочат и потекут» (ДЗ0; т. 22: 45).

Периоды не только общения с народом, но жизни среди него были у Достоевского дважды — в Даровом и на каторге, но лишь в Даровом он увидел и узнал народ в его естественной среде и привычном состоянии, и эти впечатления детства, к которым писатель столь активно обращался в зрелый период своего творчества, усиленные каторжными «открытиями», стали источником его размышлений о судьбе народа.

А. Б. Фрейрейс с горечью отмечает характер внутрисемейных взаимоотношений, сложившихся в крестьянской среде:

«Домашній бытъ его богатъ такими картинами, отъ которыхъ не разъ всгрустнѣтъ истинному филантропу. На жену свою глядитъ онъ обыкновенно не какъ на подругу, имѣющую одинаковыя права съ нимъ на радости и скорби бытія, на любовь и уваженіе его; но больше какъ на существо, осужденное быть слѣпымъ орудіемъ его произвола и не имѣющее никакого голоса въ домашнемъ ареопагѣ. Здѣсь онъ уже деспотъ...»;

«Въ дѣтяхъ своихъ онъ больше видитъ одинъ неизбежный даръ брака — чѣмъ благословеніе его, и только взрослыя изъ нихъ — да и то мальчики — имѣютъ нѣкоторый интересъ для него, какъ помощники въ полевыхъ и домашнихъ трудахъ...» (Фрейрейс: л. 3 об. — 4).

Современные исследователи жизни русского народа, обращаясь к вопросу любви в крестьянских семьях, утверждают: «Не следует думать, что хозяйственные задачи определяли всё в семейных отношениях. Крестьяне знали глубокие супружеские и родительские чувства. Казалось бы, здесь и доказывать нечего, ведь достаточно хорошо известна лирика русского фольклора, отразившая богатейшую гамму сильных и тонких чувств. Однако об отношениях в крестьянской семье было сказано в литературе немало худого. Как правило, это были выхваченные поверхностным наблюдателем из общей спокойной и ясной картины мрачные случаи, на основе которых делались широковещательные выводы» [Громыко, Буганов: 326]. Однако те же народные песни, к которым апеллируют авторы, сохранили семейно-бытовые сюжеты, иллюстрирующие наблюдения А. Б. Фрейрейса, далекие от идеализации семейных отношений у крестьян. Это, например, песня «Я вечер млада / Во пиру была...», упоминаемая Ф. М. Достоевским в подготовительных материалах к «Дневнику Писателя» 1881 г. под названием «Веряя ль вереюшка» (ДЗ0; т. 27: 45). Этнографическая коллекция Научного архива РГО по Тульской губернии подтверждает, что эту песню Ф. М. Достоевский мог слышать в Даровом³¹:

³¹ Ранее один из ее вариантов был опубликован в сборнике: Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Том первый. Книга первая, вторая, третья и четвертая. Из-

«Я вячóр маладá
 Ва пирú былá (2),
 Ва бясъдушки,
 Я ня у бáтюшки,
 Я ня у мáтушки;
 Я былá маладá
 У милá друшкá (2),
 У сярдé шнава.
 Я ня мёт пилá, —
 Я пилá млада
 Слáтку вóдачку (2),
 Фсё вишнёвачкю;
 Я ня рюмачкяй,
 Ня стакáнчикам,
 Я пилá млада
 Ис палúвядра (2),
 Чаряс крáй пилá.
 И я пóлям шла —
 Ня валя́лася,
 И я лѣсам шла —
 Ня шатáлася;
 Ка дварú пришлá —
 Пашатнúлася,
 За вярéюшку ухватíлася.
 Вярэя-ль, моя
 Вярéюшка!
 Паддяржí мяня́,
 Бáбу пъянаю,
 Шэльму хмѣльнаю, —
 Ня увíдыл-бы
 Свёкар-бáтюшка,
 Ня сказа́л-бы свамú сы́ну
 Мамú мўжу.
 У мяня-ли муш —
 Горькяй пъяница;
 Он вина́ ня пьётъ,
 С вады пъян живётъ,
 Нада мнóй младóй
 Он ламáицца.
 У мяня́-ль младóй
 Дóма ўбрана:

*Лóшки вы́мала,
 Во́ щи вы́ляла,
 Парóх вы́мала —
 Ф гарóх вы́ляла,
 Чáшу вы́мала —
 Ф кáшу вы́ляла,
 Пол скряблá —
 Пирагí пяклá»³².*

Лишь неизменное почтение к родителям и страх Божий перед слушанием, усомниться в котором не дает автору слышанная им варварски-циническая шутка («*Этимъ ножомъ хорошо-бы бачьку на печь подсаживать*» говорит онъ, увидя длинный или вострый ножикъ — и хохотъ общаго удовольствія награждаетъ его жалкое остроуміе...») — Фрейрейс: л. 4 об.), вселяет надежду на незыблемость нравственных устоев в народной среде. Наблюдения А. Б. Фрейрейса перекликаются как со страшными деревенскими впечатлениями Ф. М. Достоевского, о чем тот «проговаривается» в статье «Среда», когда вспоминает дело крестьянина Саяпина:

«Видали ли вы, как мужик сечет жену? Я видал. Он начинает веревкой или ремнем. Мужичья жизнь лишена эстетических наслаждений — музыки, театров, журналов; естественно, надо чем-нибудь восполнить ее» (ДЗО; т. 21: 21), —

так и с верой писателя в лучшие свойства народной души, выработанные вековыми традициями.

Заметки А. Б. Фрейрейса о религиозных обрядах крестьян Каширского уезда позволяют по-иному взглянуть на некоторые подробности, приведенные А. М. Достоевским в мемуарах о Даровом. Хорошо известна история пожара в только что приобретенном имении. Андрей Михайлович пишет, что произошел он по вине крестьянина Архипа Савельева, вздумавшего в Страстную пятницу «палить кабана у себя на дворе» (Достоевский А. М.: 60). На фоне единодушного мнения корреспондентов РГО о религиозности крестьян и строгом соблюдении ими постов крепостной мужик господ Достоевских выглядит безбожником. Если бы не одно обстоятельство: пожар, по официальным документам, случился в Даровом 7 апреля 1832 г.³³, а это был Страстной четверг. Как пишет А. Б. Фрейрейс:

³² Научный архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 52. Благовещенский В. И. Русские народные песни, собранные в различных уездах Тульской губернии. Л. 47 об. — 49. Ценность этому документу придает фонетическая запись песни, зафиксировавшая диалектные особенности произношения в Тульской губернии.

³³ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 13. Д. 10678. Дело о происшествиях в уездах Тульской губернии за 1-ю половину апреля 1832 г. Л. 2–2 об.

«Четвертокъ Страстной недѣли — есть преддверіе въ Свѣтлую. Тутъ, до солнечнаго восхода, бьютъ какое нибудь домашнее животное, нарочно къ тому времени подкормленное. Завернувъ по́рознь, въ тряпицы, частицу сала отъ этаго животнаго, нѣсколько щепотокъ соли и золы, въ тотъ день изъ печи выметенной, — вѣшаютъ ихъ подъ кровлю дома и берегутъ, какъ универсальное лѣкарство, если не отъ всѣхъ, то, по крайней-мѣрѣ отъ многихъ болѣзней. Это сало, эта соль и эта зола — зовутся у нихъ "Четверговымъ Саломъ, Четверговою Солью и Четверговою золою» (Фрейрейс: л. 6 об.).

Кабан, из-за которого и случился в Даровом пожар, скорее всего, был забит, а потом и опален Архимом ради «четвергового сала», следовательно, трагический инцидент стал результатом соблюдения традиционной в крестьянской среде обрядности в Страстную неделю, а не фактом святотатства.

А. Б. Фрейрейс замечает:

«Религіозныя понятія крестьянина здѣшняго весьма ограниченны, правда, но за то съ радостью можно сказать, что онъ слѣпо привязанъ къ вѣрѣ отцовъ и строго повинуется уставамъ церкви своей. Наслѣдуя отъ предковъ святыя догматы Религіи, онъ усвоилъ себѣ, однако, и всѣ предрасудки, и всѣ суевѣріе блаженной старины» (Фрейрейс: л. 4 об.).

Автор очерков выражает надежду, что просвещение сделает свое благое дело. Однако он не может не посвятить несколько страниц описанию колоритных народных праздников и сопряженных с ними обрядов, где соединились христианский церковный календарь и народная мифология. Здесь и полные возвышенной поэзии приметы о плеснувшей в тишине воде на Крещение как знаке того, что в это мгновение Христос крестился в Иордане, это и вынесенные в поле печеные «лестницы» на Вознесение, по которым Христу легче восходить на небо³⁴.

Отголоски дохристианского прошлого присутствуют и в отношении русского народа к православным святым:

«Нѣкоторымъ изъ Святыхъ крестьяне приписываютъ особенную честь, называя ихъ богами какихъ-либо домашнихъ животныхъ. О благоденствіи рогатаго скота, на примѣръ, молятъ Священно-мученика Власія (11 февраля);

³⁴ Аналогичный обряд, но уже с другим смысловым — более утилитарным — наполнением, описывает П. П. Сумароков в «Очерке сельских празднеств, примет, поверий и обрядов в Каширском уезде»: «В праздник Вознесения крестьяне домохозяева, преимущественно старики, имеют непремненное обыкновение осматривать ржаные поля и, судя по тому, в каком положении найдут их в это время, заключают о будущем урожае. Женщины <...> пекут из теста лестницы. С этими лестницами они ходят тоже в рожь. Так каждая из них, на своей пашне, насырав ржи с корня, скручивает по несколько былок в пучек, полагая, что от этого рожь будет гуще и кустистая. Для того же, чтобы она росла выше и как бы желая доставить ей возможность дотянуться до самого неба, бросают на пашни испеченные лестницы» (републикация очерка: [Сумароков: 207]).

благосостояніе лошади поручено Флору и Лавру (Фролу и Лавёру — по ихнему)...» (Фрейрейс: л. 8–8 об.).

Ф. М. Достоевский в «Дневнике Писателя» за 1876 г., обращаясь к теме народа, негодует по поводу отношения образованного сословия к крестьянству:

«Да народ и веры не знает, скажете вы, он и молитвы не умеет прочесть, он поклоняется доске³⁵ и лепечет какой-то вздор про святую пятницу и про Фрола и Лавра. <...> Мы о вере народа и о православии его имеем всего десятка два либеральных и блудных анекдотов и услаждаемся глумительными рассказами о том, как поп исповедует старуху или как мужик молится пятнице» (Д30; т. 22: 113).

День памяти святых Флора и Лавра, «Фрола и Лавёра — лошадиников», православная церковь отмечает 31 августа (18 августа по старому стилю), так что, бывая летом в Даровом, юный Достоевский мог быть свидетелем не только праздничного богослужения, но и традиционных обрядов с лошадьми — главными кормильцами крестьянских семей. В Даровом Достоевский слышал и простонародный вариант имен святых — Фрол и Лавёр³⁶, который упоминается А. Б. Фрейрейсом. «Вздор о святой пятнице» в этом

³⁵ Декабрист А. П. Беляев, имевший возможность ежедневно наблюдать жизнь ссыльных крестьян, близок к пониманию Достоевским сути почитания народом святых: «...православіе глубоко проникло во весь нашъ народный организмъ, и проникло незаметно, не смотря на то, что народъ нашъ не имѣлъ воспитанія и, къ сожалѣнію, рѣдко слышалъ даже и проповѣдь, но онъ какъ бы съ молокомъ матери всосалъ въру, и въру правую, и крѣпко держится ея. <...> Наши реформаторы обыкновенно говорятъ, что русскій крестьянинъ, какъ дикій, поклоняется иконамъ, какъ идоламъ, что ставятъ въ упрекъ ему, и даже православію. <...> я убѣдился, что народъ нашъ поклоняется иконѣ не какъ доскѣ или холсту, вмѣщающему въ себя силу, а поклоняется изображенному на нихъ Спасителю, Богородицѣ и тѣмъ прославленнымъ самимъ Богомъ святымъ, въ которыхъ онъ обиталъ при жизни ихъ во времени, какъ обитаетъ въ вѣчности» (Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом, 1805–1850 / [соч.] А. Беляева. СПб.: А. С. Суворин, 1882. С. 301 [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/36258#mode/inspect/page/306/zoom/4> (18.08.2023)).

³⁶ В этой связи позволим себе небольшое лингвистическое наблюдение. Как в мемуарной литературе («Воспоминания А. М. Достоевского»), так и в произведениях Ф. М. Достоевского (рассказ «Мужик Марей», роман «Подросток») зафиксированы народные варианты личных крестьянских имен: Марей (Марк Ефремов) и Савин (Савва Макаров). Как нам представляется, образованы они по аналогии с Фролом и Лавёром, где имели место метатеза (перестановка звуков) и эпентеза (добавление гласного). В случае с Марем мы видим замену согласного на полный слог с сонорным [й], по тому же принципу образовано народное 'Савин', где произошла замена целого слога — на более звучный и удобопроизносимый. Схожие примеры усвоения личных имен приводит и священник села Кончакова Зарайского уезда Рязанской губернии: «Лучшими именами считаются: Иванъ и Марья. Прочія имена для крестьянъ бываютъ сносны, когда удобно ихъ произносить, а имена многосложныя для нихъ тяжелы и часто ими по своему переименовываются. Амосъ, называется Аносъ, Галактіонъ — Лактивонъ, Діомидъ — Дементій, Фока — Фоканъ, Евгенія зовется Евленье, Олимпіада — Липа — Лутошка, Надежда — Нѣха»

ряду «христианского невежества» тоже не случаен. Еще один исследователь народной жизни — священник села Кончакова Зарайского уезда Ф. В. Селезнев — упоминает такие народные обычаи:

«Въ молитвахъ на сонъ и по утру крестьянки говорятъ: матушка пятница помилуй, матушка среда прости меня грѣшную. Подъ пятницу и на самый день коноплю и ленъ толкутъ и трепятъ, но никогда не прядутъ, чтобъ не запылить пятницу»³⁷.

Во многих материалах РГО из Каширского уезда корреспонденты отмечают строгое соблюдение крестьянами постов в среду и пятницу — особых дней в череде страстей Христовых. Избирательность Достоевского в примерах, таким образом, обоснована хорошим знанием обыденной духовной жизни деревни: здесь и поклонение святым покровителям лошадей, и «сердечное знание Христа».

Очерки А. Б. Фрейрейса, таким образом, не только наполняют картину деревенского детства писателя разнообразными и интересными подробностями, но еще раз подтверждают прозорливость многих наблюдений Ф. М. Достоевского над народным характером, и не только крестьянским, чему свидетельство — личность самого А. Б. Фрейрейса, немца по происхождению. В «Деле о внесении в родословную книгу дворян Тульской губернии полковника Фрейрейса» есть документы, проливающие свет на дальнейшую судьбу Александра Балтазаровича. Это его формулярный список, в котором последняя запись сообщает, что А. Б. Фрейрейс, будучи женат и имея троих детей, вступил в Камчатский егерский полк в возрасте 37 лет рядовым 23 июня 1855 г.³⁸ Последний документ в этом деле содержит ответ на письмо отца, Б. А. Фрейрейса, который посылает сыну документы и деньги. Командующий Камчатским егерским полком сообщает,

«что состоявшей на службу <...> отставной Коллежскій Регистраторъ Александръ Фрейрейсъ, во время штурма Англо-французскими войсками города Севостополя, 27го Августа 1855 года убитъ»³⁹.

Известно, что Камчатский егерский полк, которым с 1850 г. командовал И. П. Голев, в Крымскую войну 1853–1856 гг. сражался на Малаховом кургане. Судя по всему, А. Б. Фрейрейс ушел на фронт добровольцем. 83-я Каширская дружина ополчения, в которую он мог вступить, была сформирована в уезде летом 1855 г., прикомандирована к Тобольскому пехотному

(Научный архив РГО. Р. 33. Оп. 1. Ед. хр. 11. Селезнев Ф. Этнографические сведения о жителях Зарайского уезда Рязанской губернии. Л. 2).

³⁷ Научный архив РГО. Р. 33. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 10 об.

³⁸ ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 2421. Л. 102 об. — 103.

³⁹ Там же. Л. 131 об.

полку и несла службу в Симферополе и Бахчисарае [Смолин: 342]. А. Б. Фрейрейс же оказался на передовом крае обороны Севастополя.

По мнению Л. И. Сараскиной, Достоевского-патриота во многом формировали события Крымской войны. Его горячий поэтический отклик на них впоследствии вылился не только в литературные «воспоминания» романтических героев, но и стал провозвестником цельного мировоззрения, раскрытого в «Дневнике Писателя» [Сараскина: 105]. Личность А. Б. Фрейрейса, явленная в корреспонденции для РГО и в поступке этого безвестного коллежского регистратора, может пополнить галерею «лучших людей»⁴⁰, по Достоевскому, в ряду которых самый прославленный — немец по происхождению доктор Ф. П. Гааз. О нем в своей «статье» как о примере единичного добра говорит Ипполит в романе «Идиот», к личности «Гаса» как нравственному идеалу обращается Достоевский в подготовительных материалах к «Преступлению и Наказанию» и в неосуществленном замысле «Жития великого грешника». К тому же разряду может быть отнесен и «общий человек» доктор-немец Гинденбург из мартовского «Дневника Писателя» за 1877 г.⁴¹:

«Этот общий человек хоть и единичный случай, а соединил же над гробом своим весь город. Эти русские бабы и бедные еврейки целовали его ноги в гробу вместе, теснились около него вместе, плакали вместе. Пятьдесят восемь лет служения человечеству в этом городе, пятьдесят восемь лет неустанной любви соединили всех хоть раз над гробом его в общем восторге и в общих слезах. <...> вот эти-то "общие человеки" побеждают мир, соединяя его...» (ДЗ0; т. 25: 92).

Отголоски этих реальных докторов-немцев присутствуют в образе «божьего человека» доктора Герценштубе в романе «Братья Карамазовы»:

«Его все у нас в городе очень ценили и уважали. Был он врач добросовестный, человек прекрасный и благочестивый <...>. Он был добр и человеколюбив, лечил бедных больных и крестьян даром, сам ходил в их конуры и избы и оставлял деньги на лекарства...» (ДЗ0; т. 15: 103).

Парадоксальным образом глубинные проблемы современной России в романе «Подросток» прозревает немец Крафт, которому Достоевский передает собственную боль:

⁴⁰ Эволюцию категории «лучшие люди» у Достоевского подробно прослеживает Г. Я. Галаган, отмечая, что именно в свете «восточного вопроса» у автора «Дневника Писателя» складывается ясное определение «лучших людей»: «Ответ на вопрос о связующем начале русского общества обретается Достоевским во второй половине лета 1876 года, обретается внезапно. Его дает общерусское движение в защиту славян» [Галаган: 105]. Однако истоки «лучших людей» можно усмотреть значительно раньше — в Крымской войне, в которой с той же остротой стояла задача защиты православия как «Христовой истины».

⁴¹ Подробно о личности В. Д. Гинденбурга и ее осмыслении в «Дневнике Писателя» см.: [Сафронова].

«Нынче безлесят Россию⁴², истощают в ней почву, обращают в степь и приготавливают ее для калмыков. Явись человек с надеждой и посади дерево — все засмеются: "Разве ты до него доживешь?" С другой стороны, желающие добра толкуют о том, что будет через тысячу лет. Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России; все живут только бы с них достало...» (ДЗ0; т. 13: 54).

Еще в 1830-е гг. с обезлесиванием России в Воронежской губернии успешно боролся немец Б. А. Фрейрейс. Определенно, Россия не была для него постоянным двором. Словно про его сына, павшего на русском поле боя, Достоевский сказал в «Дневнике Писателя»:

«В сущности, эти идеалы, эти "лучшие люди" ясны и видны с первого взгляда: "лучший человек" по представлению народному — это тот, который не преклонился перед материальным соблазном, тот, который ищет неустанно работы на дело Божие, любит правду и, когда надо, встает служить ей, бросая дом и семью и жертвуя жизнью. <...> И если б только возможно было, чтоб мы все согласились и сошлись с народом в понимании: кого отселе считать человеком "лучшим", то с нынешнего лета, может быть, зачался бы новый период истории русской» (ДЗ0; т. 23: 161–162).

С нашей точки зрения, пример А. Б. Фрейрейса как нельзя лучше подтверждает предположение Ф. М. Достоевского о спасительном для нации согласии с народом образованной части общества в понимании идеала и «скрепляющей идеи».

Этнографические материалы РГО, присланные из Каширского уезда Тульской губернии, позволяют представить народную среду, в которой оказался Ф. М. Достоевский в детстве, уточнить отдельные сведения о событиях в Даровом, содержащиеся в «Воспоминаниях А. М. Достоевского», прокомментировать некоторые эпизоды в произведениях писателя. Наряду с бытовыми подробностями жизни крестьян в этнографических описаниях А. Е. Мещерского и А. Б. Фрейрейса представлен духовно-нравственный облик народа, сказавшийся в его традициях и обрядах, вере и суеверии, что во многом проясняет истоки «народных» воззрений Ф. М. Достоевского.

⁴² В главке «О Юрие Самарине» мартовского «Дневника Писателя» за 1876 г. Достоевский цитирует признание своего героя о впечатлении от статьи князя Васильчикова: «...я не мог заснуть; всю ночь так и мерещилась страшная картина безводной и безлесной пустыни, в которую превращается наша средняя черноземная полоса России от постоянного, ничем не останавливаемого уничтожения лесов» (ДЗ0; т. 22: 102).

Список литературы

1. Аванесов Р. Н. Очерки диалектологии рязанской мещеры. 1. Описание одного говора по течению р. Пры // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 1. С. 135–236 [Электронный ресурс]. URL: <http://books.e-heritage.ru/Book/10093832> (18.08.2023).
2. Безгин В. Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М.: Common place, 2017. 334 с.
3. Бессонова А. С. Неизвестное Даровое (по архивным материалам) // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторович. Коломна: Лига, 2019. С. 193–200 [Электронный ресурс]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (18.08.2023).
4. Бессонова А. С. Даровое Достоевского в архивных документах Русского географического общества // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10. № 2. С. 196–223 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1689191182.pdf (18.08.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2023.6761. EDN: KCHZXM
5. Владимирцев В. П. Достоевский народный: Ф. М. Достоевский и русская этнологическая культура: Статьи. Очерки. Этюды. Комплекс историко-литературных исследований. Иркутск: ИГУ, 2007. 459 с.
6. Галаган Г. Я. Проблема «лучших людей» в наследии Ф. М. Достоевского (1873–1876) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 12. С. 99–107 [Электронный ресурс]. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/%D0%A2_12/06_%D0%93%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%BD_99.pdf (18.08.2023).
7. Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого. Автобиографические воспоминания: в 2 т. СПб.: Наука, 2009. Т. 1. 616 с.
8. Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 [2] с.
9. Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007. 528 с.
10. Даровое Достоевского: материалы и исследования / под ред. А. С. Бессоновой. Коломна: Лига, 2021. 544 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128255#1 (18.08.2023).
11. Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских (письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М.: Соцэкгиз, 1939. 158 с.
12. Островский А. Б. Обряды деревенской общины в ситуациях бедствия // Материалы по этнографии. СПб.: Эго, 2002. Т. 1. С. 109–156 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ethnomuseum.ru/collections/e_library/materialy-po-etnografii-1/ (18.08.2023).
13. Сараскина Л. И. «Надо сказать правду»: Ф. М. Достоевский и его современники в споре об итогах Крымской кампании // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21). С. 96–140 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2023-1/04_Saraskina_96-140.pdf (18.08.2023). DOI: 10.22455/2619-0311-2023-1-96-140
14. Сафронова Е. Ю. Достоевский и Гинденбург: литературный текст в биографическом контексте // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 3. С. 78–115 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1667039072.pdf (18.08.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6161. EDN: HFWAWY
15. Сидоров В. Н. Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 1. С. 93–134 [Электронный ресурс]. URL: <http://books.e-heritage.ru/Book/10093832> (18.08.2023).

16. Смолин Н. Н. Дружины Государственного подвижного ополчения 1855–1856 гг. // Русский сборник. 2009. Т. 7: Военная политика императора Николая I. С. 325–366.
17. Сумароков П. П. Очерк сельских празднеств, примет, поверий и обрядов в Каширском уезде (републикация, послесловие и комментарии А. С. Бессоновой) // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: Лига, 2019. С. 201–213 [Электронный ресурс]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (18.08.2023).

References

1. Avanesov R. N. Essays on the Dialectology of the Ryazan Meshchera. 1. Description of One Dialect Along the River Pry. In: *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii [Materials and Researches on Russian Dialectology]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 1, pp. 135–236. Available at: <http://books.e-heritage.ru/Book/10093832> (accessed on August 18, 2023). (In Russ.)
2. Bezgin V. B. *Muzhitskaya pravda. Obychnoe pravo i sud russkikh krest'yan [The Peasant Truth. The Customary Law and Court of Russian Peasants]*. Moscow, Common Place Publ., 2017. 334 p. (In Russ.)
3. Bessonova A. S. Unknown Darovoe (Based on Archival Materials). In: *V Letnie chteniya v Darovom [The 5th Summer Readings in Darovoe Village]*. Kolomna, Liga Publ., 2019, pp. 193–200. Available at: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (accessed on August 18, 2023). EDN: PGLUSW (In Russ.)
4. Bessonova A. S. Dostoevsky's Darovoe in Archival Documents of the Russian Geographical Society. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2023, vol. 10, no. 2, pp. 196–223. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1689191182.pdf (accessed on August 18, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2023.6761. EDN: KCHZXM (In Russ.)
5. Vladimirtsev V. P. *Dostoevskiy narodnyy: F. M. Dostoevskiy i russkaya etnologicheskaya kul'tura: Stat'i. Ocherki. Etyudy. Kompleks istoriko-literaturnykh issledovaniy [The Folk Dostoevsky: F. M. Dostoevsky and Russian Ethnological Culture: Article. Essays. Sketches. The Complex Historical and Literary Studies]*. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2007. 459 p. (In Russ.)
6. Galagan G. Ya. The Problem of “the Best People” in the Legacy of F. M. Dostoevsky (1873–1876). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1996, vol. 12, pp. 99–107. Available at: http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/%D0%A2_12/06_%D0%93%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%BD_99.pdf (accessed on August 18, 2023). (In Russ.)
7. Gilyarov-Platonov N. P. *Iz perezhitogo. Avtobiograficheskie vospominaniya: v 2 tomakh [From the Experience. Autobiographical Memoirs: in 2 Vols]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009, vol. 1. 616 p. (In Russ.)
8. Gromyko M. M. *Mir russkoy derevni [The World of the Russian Village]*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1991. 446 p. (In Russ.)
9. Gromyko M. M., Buganov A. V. *O vozzreniyakh russkogo naroda [About the Views of the Russian People]*. Moscow, Palomnik Publ., 2007. 528 p. (In Russ.)
10. *Darovoe Dostoevskogo: materialy i issledovaniya [Dostoevsky's Darovoe: Materials and Researches]*. Kolomna, Liga Publ., 2021. 543 p. Available at: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128255#1 (accessed on August 18, 2023). (In Russ.)
11. Nechaeva V. S. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh: pis'ma M. A. i M. F. Dostoevskikh [In the Dostoevskys Family and Estate: Letters of Mikhail A. and Maria F. Dostoevsky]*. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1939. 158 p. (In Russ.)

12. Ostrovskiy A. B. Village Community Rituals in Disaster Situations. In: *Materialy po etnografii* [Materials on Ethnography]. St. Petersburg, Ego Publ., 2002, vol. 1, pp. 109–156. Available at: https://www.ethnomuseum.ru/collections/e_library/materialy-po-etnografii-1/ (accessed on August 18, 2023) (In Russ.)
13. Saraskina L. I. “One Must Tell the Truth”: Fyodor Dostoevsky and His Contemporaries in the Debate About the Results of the Crimean Campaign. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2023, no. 1 (21), pp. 96–140. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2023-1/04_Saraskina_96-140.pdf (accessed on August 18, 2023). DOI: 10.22455/2619-0311-2023-1-96-140 (In Russ.)
14. Safronova E. Yu. Dostoevsky and Hindenburg: a Literary Text in a Biographical Context. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2022, vol. 9, no. 3, pp. 78–115. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1667039072.pdf (accessed on August 18, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6161. EDN: HWFAWY (In Russ.)
15. Sidorov V. N. Observations on the Language of One of the Dialects of the Ryazan Meshchera. In: *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii* [Materials and Researches on Russian Dialectology]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 1, pp. 93–134. Available at: <http://books.e-heritage.ru/Book/10093832> (accessed on August 18, 2023). (In Russ.)
16. Smolin N. N. Squads of the State Mobile Militia of 1855–1856. In: *Russkiy sbornik* [Russian Collection], 2009, vol. 7: Military Policy of Emperor Nicholas I, pp. 325–366. (In Russ.)
17. Sumarokov P. P. An Essay on Rural Festivals, Signs, Beliefs and Rituals in Kashirsky District (Publication, Afterword and Comments by A. S. Bessonova). In: *V Letnie chteniya v Darovom* [The 5th Summer Readings in Darovoe Village]. Kolomna, Liga Publ., 2019, pp. 201–213. Available at: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (accessed on August 18, 2023). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бессонова Альбина Станиславовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зелёная, 30, г. Коломна, Российская Федерация, 140410); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2925-3162>; e-mail: abessonova13@mail.ru.

Albina S. Bessonova, PhD (Philology), Leading Researcher, State Social and Humanitarian University (ul. Zelenaya 30, Kolomna, 140410, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2925-3162>; e-mail: abessonova13@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 04.09.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 03.11.2023

Принята к публикации / Accepted 10.11.2023

Дата публикации / Date of publication 10.12.2023